

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БАЛТО-СЛАВЯНСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
АКЦЕНТОЛОГИЯ
ДАЛЬНЕЕ РОДСТВО ЯЗЫКОВ

Москва
2023

УДК 81

С 47

Авторы:

Дж. Д. Бенгтсон, В. Блажек, Р. В. Булатова, Ж. Ж. Варбот,
М. Вильянуэва-Свенссон, М. Л. Гринберг, М. А. Живлов, Н. Круглый-Энке,
С. Л. Николаев, Ю. В. Норманская, М. В. Ослон, И. С. Пекунова, Т. Пронк,
С. С. Скорвид, С. Хабиянец, О. Хилль

Редколлегия серии:

А. Ф. Журавлев (председатель), В. С. Ефимова,
И. А. Седакова, С. М. Толстая, Т. В. Цивьян

Редколлегия выпуска:

С. Л. Николаев (ответственный редактор), И. С. Пекунова,
Анастасия К. Поливанова, М. Н. Саенко, М. Н. Толстая

Рецензенты:

д. ф. н., академик РАН А. Е. Аникин, д. ф. н. А. А. Плотникова

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 23. Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо / отв. ред. С. Л. Николаев. — М.: Институт славяноведения РАН, 2023. — 504 с., илл.

ISBN 978-5-7576-0492-3

ISSN серии 2658-3372

Очередной том серии «Славянское и балканское языкознание» содержит монографию «Балто-славянская компаративистика. Акцентология. Дальнее родство языков. Памяти Владимира Антоновича Дыбо» международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов исследований в области балто-славянской акцентологии и морфологии на индоевропейском фоне, индоевропейской фонологии, восточнославянской фонетике, русской и славянской этимологии, родству языковых макросемей.

The current volume of the series “Slavic and Balkan Linguistics” contains a monograph titled “Baltoslavic Comparative Studies. Accentology. Distant Language Relations. Vladimir A. Dybo in memoriam” by an international team of authors. The collective monograph's sections are dedicated to discussing the latest research results in the field of Balto-Slavic accentology and morphology against the Indo-European background, Indo-European phonology, East Slavic phonetics, Russian and Slavic etymology, and the kinship of language macrofamilies.

© Коллектив авторов, текст, 2023

© Институт славяноведения РАН, 2023

DOI: 10.31168/2658-3372.2023.23

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Дж. Д. Бенгтсон (США)</i> Северный баскский: хеттский сино-кавказской макросемьи.....	9
<i>В. Блажек (Чехия)</i> *S(ъ)varogъ.....	28
<i>Ж. Ж. Варбот (Россия)</i> Диалектные дополнения к некоторым славянским этимологиям	35
<i>М. Вильянуэва-Свенссон (Литва)</i> Акцентуация ins. pl. ā-склонения в старолитовском	39
<i>М. Л. Гринберг (США), С. Хабиянец (Словакия)</i> Акцентологические наблюдения к реконструкции праславянского диалекта в Паннонии	53
<i>М. А. Живлов (Россия)</i> Генезис индоевропейской оппозиции глухих и звонких придыхательных смычных в свете данных внешнего сравнения.....	66
<i>Н. Круглый-Энке (Франция)</i> Алговакашский (амеразийский) – пятая ветвь борейской мегасемьи языков?.....	79
<i>С. Л. Николаев (Россия)</i> Новые данные по исторической фонетике восточнославянских языков	179
<i>Ю. В. Норманская (Россия)</i> Как возникло разноместное ударение в языке сето	248
<i>М. В. Ослон (Польша)</i> Ещё к вопросу о происхождении литовских инессива и иллотива	257
<i>И. С. Пекунова (Россия)</i> Акцентуация <i>i</i> -глаголов в двух староштокавских памятниках XV в....	292

<i>Т. Пронк (Нидерланды)</i>	
Славянские существительные <i>и</i> -склонения и их акцентуация	383
<i>С. С. Скорвид (Чехия)</i>	
<i>Колготки, окáрдион</i> и «поправление» ударения в чешских переселенческих говорах России и Украины	409
<i>О. Хилль (Германия)</i>	
3-е лицо единственного и множественного числа настоящего времени в славянских языках	426
<i>Р. В. Булатова (США)</i>	
Воспоминания	460
Библиография трудов В. А. Дыбо	481

С. С. СКОРВИД

***Колготки, окáрдион и «поправление» ударения
в чешских переселенческих говорах России и Украины***

В 2016 г. в сборнике «Балто-славянская акцентология», который был издан по материалам VII международного семинара, проведенного пятью годами ранее в РГГУ в ознаменование 80-летия В. А. Дыбо, автор этих строк опубликовал статью о просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе (Скорвид 2016), где охарактеризовал в указанном аспекте специфику единственного обследованного к 2011 г. чешского идиома, бытовавшего в двух близких манифестациях, по происхождению юго-западночешских, в поселке Кирилловка в составе МО Новороссийск и селе Варваровка в составе МО Анапа (далее СКЧк/в). На момент выхода сборника, впрочем, были известны и другие островные чешские говоры в России: с 2012 – западносибирский в Омской области (далее ЗСЧ), с 2015 – говор села Анастасиевка в окрестностях Туапсе и зафиксированный уже лишь в виде идиолекта единственной носительницы 1926 г. р. говор села Тешебс под Геленджиком (далее СКЧа и СКЧт). Результаты классификации и, в первом приближении, описания этих идиомов отражены в работах (Скорвид 2014; 2017). Были установлены юго-западночешские корни СКЧт и, напротив, северо-восточночешский генезис остальных, включая говор хутора Мамацев в Республике Адыгея, который был охвачен исследованием в 2017 и 2019 гг. (далее СКЧм). В остальном в указанных работах констатировалось, что на фонетико-фонологическом и акцентологическом уровнях все чешские переселенческие говоры на территории России демонстрируют в целом хорошую сохранность исходных диалектных систем центрально-европейского типа, отличающегося нефонологическим инициальным ударением и независимым от него различием кратких и долгих гласных. В то же время все они несут на себе следы интенсивных контактов с русским языком в той или иной региональной разновидности, диалектной или обиходной, а в прошлом и с украинским языком или смешанными украинско-русскими идиомами, в частности в случае северокавказских чешских говоров – с кубанской «балачкой». Материал чешских говоров с территории Украины, содержащийся в монографиях (Jančáková, Jančák 2004) и новейшей (Arkhanhelska, Bláha,

Cholodová 2020)¹, приводит к аналогичному выводу в отношении этих идиомов, позволяя вместе с тем сопоставить их данные с полученными в ходе изучения чешских говоров на Северном Кавказе и в Сибири по ряду конкретных параметров – кроме прочего, акцентологических.

Фиксированность ударения на первом слоге слова или тактовой группы (с обычным переносом его с существительных и местоимений на односложные предлоги), типичная для всех диалектов на территории Чехии, откуда переселенцы прибывали в царскую Россию², в речи их современных потомков может нарушаться прежде всего в лексемах, усвоенных ими из господствующего языка окружения. Они часто сохраняют исходное место ударения, как и сам его восточнославянский тип с факультативным продлением ударного гласного. Нередко, однако, ударение и в русизмах перемещается на начальный слог, причем ударный в русском языке неначальный гласный может трактоваться как долгий. Ситуация во всех обследованных чешских идиомах в этом плане аналогична, поэтому здесь достаточно будет отослать к примерам, приведенным в работах (Скорвид 2014: 49; 2016: 142–144; 2017: 457). Далее в статье будут встречаться также иные примеры сохранения русского места ударения в заимствованиях или его долгой компенсации при переносе ударения на первый слог.

Дополняя давнее наблюдение, что ЗСЧ, а также СКЧа и СКЧм характеризует более сильное, нежели в говорах юго-западночешского происхождения, инициальное ударение (в том числе в русизмах), которое носителями ЗСЧ осознается как яркая отличительная черта их идиома, заметим, что результатом этого может стать полная редукция безударных гласных до нуля звука с сокращением количества слогов в словоформе (синкопа). В ЗСЧ и СКЧм ее находим в лексеме *teřka* < *tetička* ‘тетушка’; еще чаще она представлена в речи разных носителей СКЧа, причем как в чешских словах, так и в заимствованиях из русского языка, даже при сохранении русского неначального ударения, например: *pot/póm* ‘потом’, *ke mn'e se d'ostlo* ‘ко мне попало’ (< *dostalo*), *parx'odama* [...] *jely d'o desi* ‘пароходами ехали до Одессы’;

¹ Создатели коллективной монографии 2020 г., названной «Чешский язык на Волини», опирались на полевые записи студентов и докторантов Университета им. Палацкого в Оломоуце, собранные в 2018 г. в нескольких населенных пунктах преимущественно Житомирской области Украины. После выхода книги в свет весь этот аудиоматериал был любезно предоставлен авторами в наше распоряжение.

² Выходцев из Моравской Силезии, в говорах которой представлено ударение на предпоследнем слоге при утрате количественных различий гласных, в их числе не было.

особенно в сложных числительных: *do patsát šístiho / nu do semsátiho roku / tyši devjetset semsátiho roku* Руск'и *prat'ičsk'i n'ebily* 'до 56-го, ну или до 70-го года, 1970 года, русских (в деревне) практически не было' (< pad^{cs}sát, se^{dm}m^{de}sát-), *fšesát prun'im roku se pojavilo* 'в 61-м году (электричество) появилось' (< še^{de}sát), *to bilo devadesát nejspíš sidmím roku / ne ne / desát prun'im sm'erč a uosumsát devátim / devadesátim uot takle n'e toto bilo* 'было это в девяносто, кажется, седьмом году – нет-нет, в 91-м смерч, а в 89-м, 90-м, вот тогда это было' (< de^{vade}sát, (v)os(u)m^{de}sát). В некоторых из приведенных примеров напрашивается аналогия с русским просторечным произношением (*нрм'уццкк, нуис'ям, шуис'ям*), однако приписать русскому влиянию все такие случаи в СКЧа невозможно. Особого внимания заслуживает синкопа в формах указательного местоимения муж. рода *tlet'en* либо *tlen* 'вот этот' (< tthleten/tth'e^{en}, первая часть tu- восстанавливается на основании отмеченных в речи того же носителя форм *t'uhlet'en* с побочным ударением на третьем от начала слоге и иначе синкопированной *t'uhen*), ср. рода *tl'eto/ tlet'o, tlet'omu* (дат. п. ед. ч.), жен. рода *tl'eta, tl'etu* (вин. п. ед. ч.) и мн. числа *tl'eti/tlet'i*. В этих формах редуцируется первый, а в *tlen* и второй слог, что предполагает утрату ударения на начальном слоге со сдвигом его вправо.

Факультативное, однако довольно часто реализуемое в определенных фразовых условиях смещение ударения с начала слова или тактовой группы на слог и более вправо, в том числе иногда его сдвиг на последний слог словоформы или на последнее звено в цепочке энклитик, также анализировалось нами, подробнее на материале СКЧк/в (Скорвид 2016: 145–150), с привлечением параллелей из СКЧа и ЗСЧ в (Скорвид 2017: 457–458). Во второй работе мы ввиду ограниченности данных вынуждены были признать, что источник этого явления неясен. На нынешнем этапе исследования мы вправе уже с уверенностью утверждать, что это явление или комплекс явлений, представляющих примечательной особенностью чешских говоров на территории как России, так и Украины, имеет корни в чешских диалектах метрополии, хотя в существующих описаниях последних внимание до сих пор уделялось разве лишь отдаленным аналогам фактов, рассматриваемых нами ниже. Это «своеобразный юго-западночешский интонационный тип с мелодической вершиной на предпоследнем слоге заключительного такта высказывания ([...] *v Manet'íňe, u rib'ňíka; já bich aňi nechod'íl hnát; sedňíte si!*)» и другой, так наз. *plzeňské zpívání* («пльзеньское пение»), встречающийся в восклицательных и побудительных предло-

жениях и представляющий собой повышение тона перед ремой, ср. *Dejte to na stúl!* (Balhar 2005: 502–504). В изучаемых говорах, не только юго-западночешских по происхождению³, смещенное ударение, однако, не всегда приходится на предпоследний слог конечного такта и не всегда выделяет слог перед ремой. Примеры, которые будут приводиться далее, уже частично включались в наши предыдущие работы, но не классифицировались и не интерпретировались в них так, как это предполагается сделать в данной статье, поэтому мы здесь позволим себе повторить их с расширением. Поскольку речь пойдет о явлениях, не всегда хорошо и с первого же раза распознаваемых акустически, подчеркнем, что все привлекаемые фрагменты аудиозаписей были нами неоднократно прослушаны в целях максимально надежной верификации.

В ряде случаев – объединим их в группу А) – сдвиг ударения в речи двуязычных носителей чешских переселенческих идиомов на слог или более вправо можно было бы объяснить влиянием места ударения – не обязательно совпадающего с литературным – в соотносительных восточнославянских словоформах. В нижеследующих примерах на это указывает постановка ударения в русских или украинских когнатах при переводе: в СКЧк/в *von'i tam zal'ezli* 'они туда зал'езли', *já pouďám [...] a џon mlč'í!* 'я говорю, а он молч'ит!', *tam jenom víno a neš vono uzr'aje* 'там один виноград, и пока он созр'еет', *prac'uju // du / řadu zajmu i bjeám* 'работаю (укр. прац'ую) – иду, очередь займу и бег'аю', *tak to babička dicki viprávjela [...] jako že utekl'i* 'так бабушка всегда рассказывала, что они убежали' (укр. втекл'и)⁴; в СКЧт *jedn'a s'im' ja Solodovn'iku* 'одн'а семья, Солодовники', в СКЧа *i џdruх se prodáva tek ten domeček [...] i со / vi ste jen koupili jed'en* 'и вдруг продается такой домик... и что, вы и купили себе од'ин', *nu pan'im'aly / pravda џ Pray'e*

³ В «Чешском языковом атласе» констатируется, что «в старшей диалектологической литературе отмечалось акцентирование предпоследнего слога в конце высказывания также в окраинных северо-восточночешских диалектах, тогда как современные исследователи застали это явление только как реликтовое» (Balhar 2005: 502).

⁴ На третий (и далее на каждый нечетный) от начала слог в чешском языке может падать побочное ударение, однако в данном случае основное ударение на первом слоге не слышится – напротив, резко акцентирован, причем без продления гласного, третий (он же последний). Далее, рассматривая случаи акцентного сдвига других групп, мы тем не менее стараемся исключить примеры с ударением на нечетном слоге от начала слова или такта, которое может быть не перенесенным с первого, а подчеркнутым побочным.

sem [...] *kupoval ti kras'ouki* [...] *a ona nepojmul'á* 'ну поним'али – правда, в Праге я покупал кросс'овки... а она (продавщица) не понял'а', *uon'i tadi se neuž'ily* [...] *i tó / uon'i uj'ely* 'они тут не уж'ились и это, у'ехали', *on bax i zab'iu sviho* 'он бах – и уб'ил своего', *já uot mluvím z deřma* [...] *řikam / nauč'im ix* 'вот я разговариваю с детьми... говорю: науч'у их', *i bili psi zapřaženi / mal'en'k'i* 'и собаки были запряжены, маленькие' (укр. *мал'енькі*, ср. в СКЧк *mal'inkí takoví* 'маленькие такие' наряду с *takovej m'alinkej* 'такой маленький'); в ЗСЧ *tadi jako pož'ili* в *Uoskres'ence* [...] *a pot'om uj'eli* 'пож'или тут, в Воскресенке, а потом у'ехали', *buxtički pareče* [...] *tam povidli pol'oži* 'булочек напечет, повидло туда пол'ожит', *vona se nau'či* 'она на'учится', *tadi je vot to / žij'eš i po ruski / po ruski uš načínáš jaksi to mluvit* 'тут вот как – жив'ешь и по-русски уже начинаешь говорить', *vot te' uš může najd'it / může to napsat* 'вот теперь уже можно най'ти, написать', *von'i an'i nemaji ti list'ečki* 'у них даже нет этих лист'очков' (свидетельств о рождении), *nesmn'elo říkat že máš tam n'ákoju rod'inu desi to daleko* 'нельзя было говорить, что у тебя там какая-то родня где-то дал'еко' (= укр. *дал'еко*), *fšecko je z domu přivážime hot'owi* 'всё из дома привозим гот'овое'.

Русскому образцу, вероятно, обязано частое в анализируемых говорах ударение на второй части сложных числительных 800 и 900, ср. *f'tisíc vosum_s'et vosumde... devadesád druhím roku* 'в тысяча восемь'от восемьде... девяносто втором году', *v vosum_s'et padesát třetím* 'в восемь'от пятьдесят третьем', но *múj táta je rozenej v d'evjet_sed druhím roku* 'мой папа родился в девять'от втором году' (СКЧк); *babička bila ťisíc uosum_s'et vosumdesát vusmim roku* [...] *a maminka biya ťisíc devjet_set pátím* 'бабушка была (= родилась) в тысяча восемь'от восемьдесят восьмом году, а мама в тысяча девять'от пятом' (ЗСЧ).

Нельзя также исключить влияния акцентной модели русских выражений *vot m'ak*, *vot так(ой) в'от* на финализацию ударения в соответствующих им чешских выражениях с постпозитивной частицей *-(d)le(n)* из *-hle*⁵ во всех исследуемых идиомах: например, в СКЧк *to bilo takl'e / i sem šla t'akle střecha* 'это было вот так в'от, и сюда т'ак вот шла крыша', *byly mal'inkí takoví / černí / potom vir'osli takovidl'e* 'они были маленькие такие, черные, а потом выросли вот такие в'от', в СКЧа *uо takl'en sme žily* 'вот так в'от мы жили', в ЗСЧ *předlon'i bilo jen takl'e celoу zejmu* 'в позапрошлом году вот так в'от было всю зиму'. Вместе с тем сдвиг ударения на эту частицу кажется аналогичным его

⁵ Эта частица в свою очередь представляет собой усеченную форму повелительного наклонения глагола *hledět* 'глядеть'.

финализации в синкопированных местоименных формах *tlet'en, tlet'o, tlet'i* в СКЧа и не синкопированной в следующем высказывании жителя Кирилловки: *jakou xcete polovičku / berte si t'udletu nebo t'uhletu // nu i si vzali tuhlet'u // vona bila pjekná* ‘какую хотите половину берите себе, вот эту или вот эту... ну и они взяли вот эту, она была хорошая’. По-видимому, акцентный сдвиг во всех таких контекстах служит средством выражения эмпазы, подобно постановке ударения на частице *von* в русском языке, но вовсе не обязательно осуществляется всякий раз под влиянием соответствующих русских выражений.

Фиксируются, однако, и разнообразные случаи смещения акцента с начального слога вправо, которые не удается объяснить прямым восточнославянским влиянием. Здесь можно выделить три типа.

Б) Перенос ударения на один слог вправо в некоторых суффиксальных именных образованиях и отдельных словах: например, в ЗСЧ и СКЧт *mam'inka* ‘мама, матушка’; в СКЧк/в *bab'ijce moji je [...]* *devadesát sedm let* ‘бабушке моей... 97 лет’ (суффикс *-ičk-* с диссимилиацией *-čs->-jč-* в форме дат. п. ед. ч.), *vona u nás / bab'inkou bila* ‘она у нас была повивальной бабкой’, *mám ešče nehde strejčka / jako maminčiniho bratr'ance* ‘у меня еще есть где-то дядя, мамин двоюродный брат’, *ja te pol'ovičku svojev'o uč'astku dám* ‘я тебе половину своего участка дам’, в уменьшительном имени собственном *Mař'ence se tam líbí* ‘Марженке там нравится’. Весьма показателен двоякий звуковой облик употребляемого обычно во мн. ч. существительного *kobl'ihy* ‘пончики’ в СКЧк: [k'obl'ihɨ] и, с другой реализацией /i/ и смещенным ударением, [kobl'ɨhi].

В) Сдвиг ударения на один слог вправо с приставки или отрицательной частицы *ne-* в глагольных формах⁶ (возможно, по аналогии с глаголами без приставки или частицы): например, в СКЧк *d'edouška votet' vodv'ezli // jemu bil rók* ‘(когда) дедушку оттуда увезли – ему был год’, *s n'im sem se i naučil* ‘с ним я и научился (по-немецки)’, *vi ste se um'orili tenkrát?* ‘вы устали (уморились) тогда?’, *vona sem n'epr'ij'ede⁷ / já ji sem nep'ustím!* ‘она сюда не приедет, я ее сюда не пущу!’, *vona bejvá že ne'uslíši babička* ‘бывает, что она не услышит, бабушка’, *ja ž*

⁶ Реже и в именах, ср. в СКЧк *uš tam je víc ruskiho než českího v našem rozh'ovoru* ‘там уже больше русского, чем чешского, в нашей речи’. В данном высказывании информант скорее всего употребил адаптированное русское существительное *razgovor* (едва ли зная его современный чешский книжный когнат *rozhovor* ‘беседа, интервью’), в котором предположительно перенес ударение на первый слог – приставку – с автоматическим сдвигом с нее вправо.

⁷ Говорящий скандирует; ударение на третьем слоге – по русскому образцу или эмфатически подчеркнутое побочное чешское.

jinak přece mužím fstát / vir'óu nat fšexno 'я же как-никак должен встать, выпрямить всё'; в СКЧв *a uš potom vir'ósla* 'а потом она уже выросла', *jesli sme se ešče prov'in'ily* 'если мы еще провинились'; в СКЧа *n'ic sme / an'i fotohr'af'iju nemn'eli* 'у нас ничего, даже фотографии не было'; в ЗСЧ *hod'ili i koledovat po xátam [...] sebereme se s pitličkama a spíváme* 'и колядовать ходили по хатам... соберемся с мешочками и поём', *tadi uš ona se naučit nem'ohla* 'тут она научиться уже не могла'. Такой сдвиг наблюдается часто перед паузой, хотя бы даже короткой, после которой фраза продолжается, но также при отсутствии паузы, перед уточняющими словами.

Г) Чаще в СКЧк/в, но иногда и в ЗСЧ ударение сдвигается с первого слога еще дальше и падает на последний слог многосложных словоформ (Га) или на энклитику⁸, а если их более одной, то на последнюю в цепочке (Гб), например:

Га) в СКЧк *i tak sme tam byly do tex por pok'a n'evosvobod'ily nás // osvobod'il'y*⁹ / *i na ftorej den d'eda šel domú* 'и так мы там были до тех пор, пока нас не освободили... освободили – и на второй день дед пошел домой'; в ЗСЧ *diš na vojn'e s Ruskejm... ne s Ruskejma v'ojevali / a s N'emcami vojuval'i // nu kak / vm'is'te s Ruskama dohromadi* 'когда на войне с русскими – не с русскими воевали, а с немцами воевали, ну как – с русскими вместе' (финализация ударения при втором вхождении адаптированного русского глагола *воевать* в форме прошедшего времени)¹⁰;

Гб) только в СКЧк/в *topili sme tu plotnu a tam sme vařili a eto // přezimovali sm'e* 'мы топили эту печку и там готовили и это – перезимовали', *koledovali / koledovali sm'e / jo* 'мы колядовали, колядовали, да', *hdiš se vojna načala / von'i vzali / zapsali s'e i vodjeli* 'когда началась

⁸ Собственно энклитикой она, принимая на себя ударение, уже не является; далее под таким обозначением соответствующих элементов подразумевается лишь их первоначально энклитический характер.

⁹ Предыдущие слоги этой словоформы информантка произносит скороговоркой, ввиду чего речь явно идет не о подчеркнутом побочном ударении на пятом от начала слоге, а о его финализации.

¹⁰ В похожей фразе той же носительницы ЗСЧ *uš se vdal'á / an'a mladá se vdal'á* 'она уже замуж вышла – она молодая замуж вышла' ударение перемещается (с эмфатическим продлением гласного) с первого на второй слог глагольной формы прошедшего времени, являющийся также конечным. Аналогично в высказывании носителя СКЧк *potom sme se rozhlídli / a vono tolika ribi je / i až hrn'e ta riba přet s'ebou vodu* 'потом мы огляделись – а там столько рыбы... и прямо гонит эта рыба перед собой воду' ударение сдвигается со слогообразующего *г* в первом слоге презентной формы глагола на второй, он же последний.

война, они взяли, записались и уехали', *i ta holčička taki se rostovala // rostovala s'e tífem i tak ji i pochovali* 'и эта девочка тоже заболела... заболела тифом, и так ее и схоронили', *rozedn'ilo s'e / a mlíko doma nemá* 'рассветло, а молока дома нет', *on pil / napil s'e i spívá si!* 'он пил... напился – и поет!..', *vo'ud'íte s'e / a potom vás sn'i* 'вы прокоптитесь, а потом вас съедят' (с двумя ударениями в первой словоформе: смещенным с приставки на корень и финальным на энклитике), *xít sem s'e / a uš sem přeskočil přes ten plútek* 'я хватился – и вот уже перепрыгнул через забор', *neučila sem s'e / a fšexno d'elala sama* 'я не училась, а всё делала сама', *fštreřili sme s'e / i šli sme potom sem* 'мы встречались, а потом шли сюда', *uvid'ela mn'e i poznala* 'увидела она меня и узнала', *přines sem pasport a vokázal mu h'o* 'он принес паспорт и показал ему его', *poxovali h'o i ud'áli mu kříš* 'похоронили его и поставили ему крест', *poxovala sem j'i a zvořtala sama* 'похоронила я ее и осталась одна', *von dával taki zrno kon'im abi krmit j'e* 'он зерно и лошадям давал, чтобы кормить их'; *i von tam ti malinkí si xítal i vir'aščival j'e* 'и он там ловил этих малышей и выращивал их', *von'i d'elaji jak knedlíki // ud'elaji j'e a vikutáleji takle* 'они как делают кнедлики: приготовят их и раскат(быв)ают вот так', *nevidržel t'o / i umřel* 'не выдержал он этого и умер', *veřte si t'o / no pušte náz h d'etem* 'заберите это себе, но пустите нас к детям', *vona přijela t'am / a tam mn'esto bilo dřevjení* 'приехала она туда – а город там был (весь) из дерева', *nu i nechali sme ji t'am a přez den sme tam šli* 'ну и оставили мы ее там, а днем туда пошли' и т. п.

Столь широкое распространение в чешских идиомах на территории России явлений акцентного сдвига, распределенных нами по группам Б), В) и Г), позволяет поставить под сомнение правомерность включения многих аналогичных им случаев в группу А), для которой мы предположили вероятность восточнославянского влияния. Действительно, почти все приведенные примеры из группы А) можно было бы отнести к той или иной из следующих трех групп, а иногда и не к одной. Ср. продолжение рассказа жительницы Кирилловки о деде, который пешком пошел домой: *a šel a šel a šel / no fš'o tak 'i doš'el // d'oš'el / a tadi zastoval i umřel* 'и шел, и шел, и шел, но все-таки дошел... дошел – а тут заболел и умер', где форма прошедшего времени глагола *dojít* при втором вхождении, после паузы, получает регулярное инициальное ударение, а при первом финальное, что можно объяснять влиянием рус. *доу'ѐл*, сказавшимся избирательно, либо рассматривать этот случай в связи с явлениями групп В) или Г). Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве примеров как группы

А), так и последующих речь идет о фразовом ударении в сочетании с соответствующей фразовой интонацией восклицания, вопроса, перечисления, каденции и т. п., которая хорошо слышна в записях. У двуязычных носителей изучаемых говоров такой сдвиг ударения может факультативно сопровождать продление гласного, какое характерно для русского – или, шире, восточнославянского – эмфатического ударения (в примерах выше мы обозначали его только в случаях, когда говорящий протягивал слог дольше обычного, таких как *vir'óunat* в СКЧк или *mladá se vdal'á* в ЗСЧ). Ту же эмфатическую функцию в аналогичных фразовых условиях может выполнять продление гласного в ударном инициальном или в каком-либо заударном слоге без переноса на него ударения, ср. в примере выше из СКЧк *d'edouška votet' vodv'ezli // jemu bil rók* (≈ рус. [го:т]) и других отсюда же и СКЧв: *jak se tadi rospoložili / jak tadi visekávali lés* ‘как они здесь расположились, как вырубали лес’ (≈ [ле:с]), *ti vin'ice fšecki vzali [...]* и *zém fšecku vzali* ‘эти виноградники все отобрали... и землю всю отобрали’ (≈ [зе:млю]), *jaká ti si Čěška diž neumíš po nastoj'aščem po č'eski mluvit!* ‘какая ты чешка (≈ [че:шка]), если не умеешь по-настоящему говорить по-чешски!’, *málo si toho pomatuju / nu co / do v'ójni / tadi ta v'ójná* ‘я мало что помню: ну что – до войны, и тут эта война’, *a tolik s'únki a fšeho! já d'edovi povídám / pot' si vememe šunku* ‘и столько ветчины и всего! я деду говорю: пойдем возьмем ветчину’. В последних двух примерах имеет место продление гласных в ударном, а затем и в заударном слоге, в следующем же продляются ударный слогаобразующий сонант **l** и гласный в заударном дифтонгическом сочетании: *i maš'ínu sme plnou naložili ribi / plnou* ‘и машину мы полную нагрузили рыбой, полную’¹¹.

Эти случаи аналогичны обсуждаемым в двух монографиях о «волынском чешском» (Jančáková, Jančák 2004: 117–118; Arkhanhelska, Bláha, Cholodová 2020: 61–62). Их авторы, правда, ограничиваются перечислением частых здесь примеров эмфатической долготы в ударных слогах, главным образом начальных, тогда как приводимые в одном ряду с ними в монографии 2020 г., в главе о звуковых особенностях высказываний волинских чехов авторства У. Холодовой, примеры

¹¹ Функцию эмфазы при интонации обращения, вопроса или восклицания может выполнять и продление гласных только в заударном слоге (не обязательно ближайшем к ударному), ср. *Maruš / dávej se přiznáme!* ‘Маруш(ка), давай признаемся!’ (СКЧв); *vi ste z ven'ková? a otkud sté?* ‘вы из деревни? а откуда вы?’, *jakí mn'eli pječni vinoyradí // takoví dobří sortá* ‘какой был отличный виноград! (букв. винограды) такие хорошие сорта!’ (СКЧк), *n'ehd'e že ťona jix uotád' vzala* ‘откуда-то же откуда она их взяла’ и т. п.

продления гласного в неначальном слоге остаются без специального комментария. Можно лишь догадываться, что в украинизмах/русизмах и в словоформах своих лексем, имеющих украинские/русские когнаты, речь идет о долготной компенсации восточнославянского ударения или перемещенном по восточнославянскому образцу ударении, проявляющемся как долгота гласного; последнее соотносилось бы со случаями группы А), выделенной нами применительно к чешским идиомам в России. К сожалению, У. Холодова приводит словоформы с продленным, как ей представляется, неначальным гласным, не указывая, в каких именно аудиозаписях и в каких контекстах они встречаются, что не позволяет верифицировать ее транскрипцию, но при выборочном прослушивании материала, использованного создателями монографии, мы убедились в наличии таких случаев, которые иногда просто тождественны включенным нами выше в группу А). Однако, в отличие от У. Холодовой, мы если и слышим некоторое продление гласного в таких словоформах, то трактуем его как «побочный эффект» неинициального ударения, которое далее и обозначаем: *von' i uj'eli do Č'ex* 'они у'ехали в Чехию', *já sem potom uj'ela do Kal'inouki* 'я потом у'ехала в Калиновку' (≈ укр. по'їхали, -а), *ona prišla do sád'ika i mlč'f* 'она пришла в (детский) садик – и молч'ит' (= укр. мовч'ить) и др. Впрочем, эти примеры, как и аналогичные им в чешских говорах Северного Кавказа и Сибири, можно было бы отнести также к группам В) и Г), если допустить, что неинициальное ударение в этих словоформах лишь случайно совпадает с русским/украинским.

Автор следующей главы коллективного труда чешских лингвистов, посвященной рассмотрению морфологии, синтаксиса и лексики «волынского чешского» с точки зрения его интерференции с украинским и русским языками, О. Блага замечает в отношении явно заимствованного из них глагола во фразе (приводим ее в транскрипции, принятой авторами монографии) *tě:ško bilo ně:kam postu:pit* 'трудно было куда-то поступить': «Ударение на втором слоге [...] не совпадает ни с украинским (поступіти¹²), ни с русским (поступіть). Не исключено, что “эффект ударения” возник по причине несовершенной реализации говорящим дифтонга *oi* как результата развития долгого гласного *ú* (русское и украинское ударение чехи интерпретируют как долготу гласного)» (Arkhanhelska, Bláha, Cholodová 2020: 76). Эта трактовка выглядит натянутой: речь идет о заимствованном глаголе, который носители «волынского чешского», конечно же, не соотно-

¹² В монографии украинское ударение указано ошибочно: *поступити.

сят с неизвестным им созвучным чешским *postoupit*, имеющим иное значение – ‘продвинуться, перейти куда-либо (на более высокий уровень)’. По-видимому, О. Блага предполагает, что информант, подсознательно пользующийся «механизмом пересчета» (т. е. адаптации), мог «сконструировать» чешский аналог глагола *postupit/postupiti* с дифтонгом как функциональным эквивалентом долгого гласного, но не справился с его фонетической реализацией и в итоге перенес на этот слог ударение. Подобное объяснение ad hoc мы находим слишком сложным. Примечательна, однако, констатация исследователем факта сдвига ударения на один слог вправо в русизме/украинизме, не обусловленного русским или украинским влиянием, какой наблюдается далеко не только в данном конкретном случае.

Прослушивание части аудиозаписей «волынского чешского» позволило найти в них довольно многочисленные примеры такого сдвига, аналогичные либо даже идентичные нашим из групп Б), В) и Г). Приведем некоторые извлечения: *mam'inka, česki kraj'anstvo* ‘принадлежность к чешскому землячеству’ (ср. в ЗЧЧ *dokum'ent že sem Česka / kraj'anka* ‘документ о том, что я чешка, соотечественница’ – образования от существительного *kraj* с суффиксом -an- и последующими); *zasv'ítim tam* ‘посвечу туда’, *že se mu pod'ařilo* ‘что ему удалось’ (перемещение ударения с приставки на корень¹³), *von jede / vodu nab'ere [...]* *i jede sem / pod'iv'á se či já tadi sem živa [...]* *vip'ustí vodu / pod'iv'á se či vona je živa* ‘он едет, воду наберет – и едет сюда, поглядит, жива ли я тут... выпустит воду, поглядит, жива ли она’ (в *nab'ere* и *vip'ustí* – перемещение ударения с приставки, в *pod'iv'á se* – сдвиг его на слог перед энклитикой); наконец, финальное ударение в форме местоимения *a ešče vot t'ihlet'i // t'lent'i / Vackovi* ‘а еще вот эти, эти... Вацки’ (здесь при сохранении начального ударения), иное – в речи информанта, говорящего в основном по-украински и только с трудом по-чешски, в слове *lek'ař* ‘врач’, которое он повторяет за исследовательницей, подсказывающей: *lékař*, и наконец, на энклитике (с сохранением более слабого ударения на начальном слоге): *von sem nejdřiv jel / p'odival s'e* ‘он вначале туда поехал, посмотрел...’ Сдвиг ударения с первого слога вправо наблюдается нередко – как в примере О. Благи с глаголом *post'upit* – и в частично адаптированных заимствованиях, ср. *tak se to op'ustošilo* ‘так всё опустошили’ (= разорили), *vona je nerozb'erež hdo* ‘она – не раз-

¹³ Впрочем, пример *von'i se z mamkou roz'ešli* ‘они с мамой разошлись’ показывает, что ударение может сдвигаться не на корень, а просто на слог вправо (в данном случае – на второй слог приставки).

берешь кто' (по национальности; первый слог отчетливо безударный), *přives ok'ard'ion* 'привез аккордеон'. Последний случай интересен тем, что здесь сдвигу ударения вправо, по-видимому, предшествовала его инициализация, причем на месте безударного русского [а] был «восстановлен» гласный [о].

Возвращаясь к замечанию, которым мы предварили разбор конкретных примеров акцентного сдвига в чешских переселенческих говорах на территории России и Украины, повторим: это явление имеет корни в чешских диалектах метрополии, хотя в имеющихся их описаниях и собраниях диалектных текстов точно соответствующие нашим случаи не фиксируются. Между тем прослушивание диска с 29 образцами речи носителей разных чешских говоров (JSMČ 2000) позволило обнаружить в записях почти из всех диалектных областей Чехии примеры сдвига ударения с начального слога вправо, которые можно распределить по выделенным нами четырем группам. Транскрибированные тексты этих записей были большей частью опубликованы в последнем томе «Чешского языкового атласа», содержащем дополнения (Balhar 2011), однако смещение ударения, иногда с продлением того слога, на который оно смещается, или просто эмфатическое продление нена начального слога, отчетливо слышное на диске, в соответствующих местах транскрипций никак не отмечается. Приведем поэтому ряд примеров в нашей собственной транскрипции (по группам, кроме А), указывая всякий раз номер дорожки на диске и принадлежность записанного на ней образца говора к центральночешской (цч.), юго-западночешской (юзч.) или северо-восточночешской (свч.) диалектной зоне:

Б) *mam'inka* (№ 11, цч.), *ten boxn'ik jag bil na tij slamj'ence* 'эта буханка, что была на этой плетенке', *eš'te se ta mouka [...] pořádně prod'elala / s t'ím kop'istem* 'еще эту муку как следует размешивали, мутовкой' (№ 27, юзч.);

В) *jesi tam n'egde to dřiwi uw'id'ej* 'если они где-то там те дрова увидят' (№ 1, свч.); *gdo mu us'ekne hlawnu* 'кто отрубит ему голову' (№ 5, свч.); *a oprařdu se hold do sebe jako zam'flováli* 'и они действительно друг друга полюбили' (№ 8, свч.); *tak tam do n'ě uh'od'ilo* 'так там в нее (хибару) ударило' (№ 16, юзч.), *a stačít sem to taki nem'ohlá* 'а успеть я тоже не могла' (№ 19, юзч.), *pójt' / já t'i ho nan'esu [...] a von mi ho tam n'anés* 'давай я тебе поднесу (хлеб)... и он мне его туда поднес' (№ 20, юзч.), *pak se vzalo p'ometlo / pom'etlo ze slámi* 'потом брали метелку, метелку из соломы' (№ 27, юзч.);

Гб) *matinka bilila a povídá mĭ // helét' Marjánko* ‘мама белила – и говорит мне: послушай, Марьянка’ (№ 10, цч.), *teplá voda / posolilo se t'õ / teplá voda / a kmín* ‘горячая вода – посолили это – горячая вода и тмин’ (№ 27, юзч.)¹⁴.

Все изложенное дает основания заключить, что сдвиг ударения с первого слога слова или тактовой группы вправо в переселенческих чешских говорах, оказавшихся в восточнославянском языковом окружении, представляет собой явление, унаследованное от исходных диалектов, но, вероятно, усилившееся в ситуации контакта с идиомами, для которых характерно не фиксированное, а разноместное ударение при большей степени его интенсивности (каковая может трактоваться как продление ударного гласного). При этом воздействие русского/украинского типа ударения на тот или иной акцентный сдвиг в этих говорах в большинстве случаев предстает не прямым, а опосредованным, т. е. влияние оказывает не столько неинициальное ударение в восточнославянском когнате¹⁵ (хотя такое не исключено, ср. *одн'а сѣмь'я* → *jedn'a s'im'j'a* в СКЧт), сколько усвоенное носителями чешских идиомов, контактирующих с восточнославянскими, представление, что ударение в словоформах на протяжении высказывания в принципе способно в тех или иных целях сдвигаться. Проанализируем с этой точки зрения фрагмент рассказа носительницы СКЧк 1938 г. р. об ее деде-врачевателе: *i xod'il hledal k'ostival // po r'usk'i on je ok'õpn'ik / a po č'ešsk'i kostěv'al // i vot von př'nášel ten kástiv'al i z ba-bičkoḡ von'i d'elali lík'arstvo* ‘и он ходил искал «костивал»; по-русски он окопник, а по-чешски «костивал»... и вот приносил он этот «костивал», и они с бабушкой делали лекарство’. В данной фразе, избилующей русизмами, информантка при первом употреблении чешского фитонима-композиата ставит ударение на начальном слоге, при втором – на последнем с украинского типа редукцией гласного в предыдущем, безударном, при третьем – также на последнем, но уже с русской редукцией в обоих предупредительных слогах. Непрямым образцом для нее могло послужить ударение в структурно аналогичных рус-

¹⁴ Аналогом наших примеров из группы Га) выше могли бы служить случаи эмфатического продления гласного в конечном слоге без переноса на него ударения, такие как *abi se to prod'elaló a nexalo zaz vikin'õut* ‘чтобы оно (тесто) размешалось и подошло’ (№ 27, юзч.) и др.

¹⁵ Если речь не идет о неадаптированных заимствованиях, сохраняющих место ударения языка-источника. Впрочем, их во всех анализируемых говорах настолько много, что этот фактор, безусловно, также ослабляет автоматизм постановки ударения на первый слог, характерный для чешского языка метрополии.

ских композитах типа *сеновал*. Сложнее картина ударения в следующем фрагменте неоднократно цитированного выше рассказа жителя Кирилловки о ловле рыбы: *aš tám sem dál uodešel / ab'i ji nespl'ašit* 'я подальше отошел, чтобы ее не всполошить'. Русский диалектный союз и частица *абы* хотя и допускает ударение на втором слоге (СРНГ I: 192), но не употребляется в такой конструкции, поэтому едва ли здесь можно усматривать прямое влияние данной лексемы, а смещение ударения вправо в инфинитиве с отрицательной частицей – типичный случай из выделенной нами группы В), находящийся аналогии в «материнских» чешских говорах (не только юго-западных). При всем этом представляется, что в приведенном фрагменте – как и в других подобных высказываниях – постановка ударений отражает подсознательное стремление говорящего к преодолению ритмического однообразия фразы путем создания точек повышения тона внутри нее. Восточнославянское ударение с его большей свободой по сравнению с автоматическим чешским могло дополнительно стимулировать усиление этой тенденции, хотя и известной чешским диалектам метрополии, однако в переселенческих говорах России и Украины проявившейся, пожалуй, максимально активно.

Особенно это касается некоторых случаев постановки ударения на энклитиках. На принципиальную возможность такого сдвига в чешском языке еще 85 лет тому назад указал С. Петршик, иллюстрируя ее примерами *a řekl m'í, že...*, *a podíval s'e, co...* с комментарием: «энклитика здесь [...] является носителем мелодии такта перед паузой»; это, по мысли автора, связано с тем, что речь идет о «сочетаниях изначально аналитического характера», которым свойственна «прогрессивная акцентная тенденция» (Petřík 1938: 146, 147). В вышеприведенных примерах *a eto // přezívali sm'e, dával [...] zrno kon'im abi krmít j'e*, однако, становящаяся ударной энклитика находится не перед паузой, а в каденции. Трудно представить себе подобную акцентовку в чешском языке метрополии; также прямое восточнославянское влияние на подобный тип фразовой каденции с понижением тона на последнем слоге (при отсутствии продления гласного) практически исключено. Остается допустить, что в тех переселенческих чешских говорах, в которых сдвиг ударения на указанные энклитические элементы представлен относительно широко, в первую очередь в СКЧк/в, данное явление распространилось по аналогии с другими случаями финализации ударения в тактовой группе, унаследованными от «материнских» диалектов, опять-таки в благоприятствующих этому условиях кон-

такта с восточнославянскими идиомами, характеризующимися более свободным ударением¹⁶.

Учет восточнославянского – применительно к чешским говорам в России прежде всего русского – контекста позволяет выдвинуть еще одно объяснение случаев сдвига ударения на слог вправо, относящихся к группе Б). Привычный двуязычным носителям анализируемых переселенческих идиомов русский тип ударения с редукцией гласных в безударных слогах подразумевает, что отсутствие редукции заударных гласных /a/, /o/ и /e/, /i/ может интерпретироваться как их ударность. На месте указанных пар гласных в заударной позиции «среднестатистический» носитель русского языка ожидает услышать редуцированный, который затем может отождествить с тем или иным представителем этих пар неверно. В том, что это реально происходит, мы убедились во время экспедиции в некогда чешские деревни Омской области, в которой принимала участие доцент Омского государственного университета М. А. Харламова, не владеющая чешским языком: часто повторяемое информантами – как правило, с инициальным ударением – слово [m'amínka] она восприняла как *маменька*, т. е. в русской транскрипции [m'ами^н'ка]¹⁷. В случае сдвига ударения вправо, зафиксированного в этой лексеме в том же говоре (*mam'ínka*), подобная ошибочная интерпретация избегается. Впрочем, такой же сдвиг в данном слове явственно слышен также в записанном на вышеупомянутом диске образце центральночешского диалекта, для которого о воздействии внешнеязыкового контакта говорить не приходится. Тем не менее в чешских говорах России и Украины указанный фактор, полагаем, мог дополнительно стимулировать акцентный сдвиг в таких случаях, как *bratr'ance*, *pol'ovičku* в СКЧк, *jedn'a* в СКЧг, а может быть, и *lek'ař* на Волини. При ударении на первом слоге носители русского языка ожидали бы здесь в заударных слогах [ъ], отчетливый же выговор [a], [o] создает эффект смещения ударения; возможно, по той же причине не чуждый русской редукции гласных чех с Волини (который произносит, например, *a hdo je v voj'ennaj f'orm'íře tadi?* 'а кто это тут в военной форме?') переносит ударение в подсказанном ему чешском слове *lékař* 'врач'.

¹⁶ Включая возможность его вполне регулярной постановки на постфикс *-ся*, которая имеет место в случаях типа рус. *подн'ялся/поднялс'я*.

¹⁷ Аналогично в этнографическом очерке (Кузнецов 1999: 120) название традиционного для чехов Северного Кавказа блюда *koblihy*, описываемого автором как «пирожки с мясом», предстает в латинской транскрипции *koblehi* – с отражением заударного [i] в виде *e*.

В ходе многолетних наблюдений над восприятием чешской речи в русскоязычной среде нам доводилось сталкиваться с тем, что, например, русский деловой партнер чеха, предлагающего называть его по имени, *Karel*, начинает обращаться к нему *Kap'ел*, либо знакомая русская исследовательница переводов произведений чешского писателя Богумила Грабала, без акцента изъясняющаяся по-чешски, говоря на родном языке, произносит его фамилию с ударением на втором слоге: *Граб'ал*. Именно эта исследовательница, задумавшись над причинами такого произношения, объяснила его тем, что при безударности второго слога ожидает редукцию гласного в нем, а если она отсутствует, то трактует его как ударный. Собственно, по той же причине в процессе заимствования закрепившейся в русском языке субстантивной части чешского двухсловного наименования предмета одежды *pin-čochové kalhoty* данная лексема была усвоена с ударением на втором слоге (с гиперкорректным *о* на письме в первом и с дополнительной суффиксацией уже на русской почве): *колг'отки*.

Таким образом, на правосторонний фразовый дрейф ударения в переселенческих чешских говорах России и Украины, отчасти унаследованный ими от исходных диалектов в Чехии, но несомненно усилившийся в новом языковом окружении, мог прямо или, чаще, косвенно повлиять целый ряд рассмотренных выше факторов, связанных со свободным характером ударения в русском/украинском языке или в смешанных идиомах, с которыми данные говоры находились и находятся в постоянном контакте. Действие этих факторов, образующих сложный комплекс, определяет отчетливо слышимое акцентное своеобразие звучащей речи потомков чешских переселенцев в восточно-славянском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузнецов 1999 – И. В. Кузнецов. Чехи Кавказа // Бюллетень центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. Краснодар, 1999. С. 116–122.
- Скорвид 2014 – С. С. Скорвид. Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1. С. 44–58.
- Скорвид 2016 – С. С. Скорвид. О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Балто-славянская акцентология: Материалы VII международного семинара. М., 2016. С. 142–158.
- Скорвид 2017 – С. С. Скорвид. К типологии инославянских переселенческих говоров в России // Slověne. 2017. Vol. 6. № 1. P. 449–484.

- СРНГ I – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
- Arkhanhelska, Bláha, Cholodová 2020 – *Čeština na Volyni / A. Arkhanhelska, O. Bláha, U. Cholodová (eds.)*. Olomouc, 2020.
- Balhar 2005 – *Český jazykový atlas 5 / red. J. Balhar*. Praha, 2005.
- Balhar 2011 – *Český jazykový atlas. Dodatky / red. J. Balhar*. Praha, 2011.
- JSMČ 2000 – *Jak se mluví v Čechách. CD / J. Bachmannová, P. Jančák (eds.)*. Praha, 2000.
- Jančáková, Jančák 2004 – *J. Jančáková, P. Jančák*. Mluva českých reemigrantů z Ukrajiny. Praha, 2004.
- Petřík 1938 – *S. Petřík*. O hudební stránce středočeské věty. Praha, 1938.

Sergey S. Skorvid
Charles University,
Prague, Czech Republic

Kolgotki, okardion and the right accent shift in the Czech immigrant dialects in Russia and Ukraine

The aim of this paper is to suggest a classification and explanation of various types of the “right deviation” from the normally bounded initial Czech accent which occur in the dialects spoken by the descendants of Czech immigrants in the Northern Caucasus and Western Siberia in Russia, compared to similar facts in those still remaining in the Ukraine and to the situation in Czech dialects on the domestic territory. The author shows that the discussed phenomena were partly inherited from the dialects in the old homeland, and partly developed under direct or, more often, indirect influence of the East Slavic languages with their unbounded accent. Moreover, unstressed vowels in Russian are commonly reduced; if not, they may have been perceived as stressed by bilingual speakers of the dialects under examination, as well as by native speakers of Russian only. Precisely so it happened in the case of the word for ‘pantyhose’ in Russian which was borrowed from Czech *punčochové kalhoty*: the first part of this binominal term was eliminated and the second one loaned with the accent shift and suffixation (*колл’отки*).

This work was supported by the European Regional Development Fund project “Creativity and Adaptability as Conditions of the Success of Europe in an Interrelated World” (reg. no.: CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000734).